

Фото Екатерины Цветковой

У озера

Живу невдалеке от озера.
Цвет осени ест глаза.
Как Красная книга отзывает,
отозванные леса.

Но нет в лесах муравейников.
Они ушли в города.
Заменена вертолетом
отозванная стрекоза.

Хоть мы с земли не отозваны,
но, в небеса спеша,
села на столб неотесанный
отозванная гуша.

Сон

На захваченный монстрами остров
меня выбросил океан.
Я ползу. Переломан мой остров.
Я слабею от ран.

Мне на помощь с лопатой
попешает гвуногий собрат.
Я Тебя по ракушке мобильной
не успею набрать.

* * *

Когда же я очнулся, я увидел,
что рядом на одном из берегов
лежали раковины без мидий,
раскрытые, как футляры
от очков.

Мгновенья эти назывались
жизнью,
и кто-то нас волною примерял.
Сверкали проницательные линзы.
Как Божьи искры. Мы —
лишь их футляр.

Марьяна

Эта женщина —
многострадалица,
за чужие беды — угавится!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Дальнозоркая многостаночница,
ей далекий родным становится.

Сердцем в боли людские
тычешься,
осчастлививаешь,
многотысячница.

Мука жить, в окоем аукая,
лишь в дому своем — близорукая.

Сонет-экспромт

Измучила нас музыка канистр.
Лишь в ванной обнажаем свою
искренность!
Играй для Бога, лысый органист!
Сегодня много званых —
мало избранных.

Как сванка, плотный спустится туман.
Пуста Россия, что светилась
избами.

И пустотело выдохнет орган:
«Как много нынче званых —
мало избранных».

Но музыка пуста, словно орган.
И космополитична, как алкаш.
Нет для нее ни званых и
ни избранных.

На шесть стволов нас заказав
расхристанно,
Бах поднял воротник,
как уркаган.
Из бранных слов мы постигаем
истину.

Тайна

Подшивайте глаза Шар-пею!
Глазники, не порежьте тайны!
Чувство складчатое сопело,
как спираль Гугенхайма.

Мчались черные махаоны,
как складные очки гужмена.
Плыл любовью дистанционной
шевелиющийся куст жасмина.

Пчел мохнатые гениталии,
опыляя цветы, летали.
Красота — эротика вроде.
Порнографии нет в Природе.

И, как запонки, божьи коровки
так сцепились — что всем
неловко!

Мировая тоска скорбела
в неподшитых глазах Шар-пея.

А в глазах его — как комоды,
обнимаются бегемоты.
И, царя опустивши, мантия,
словно снежный барс,
обнимается.

Мыслил бык. Страдали улитки.
Тень Ромео с Джульеттой
плавала.

Про все это даже под пыткой
не призналась собака Павлова.

И крутились стручки гороха,
сумасшедшие, как подшильники.
Ты ослепла, что ли, эпоха?!
У тебя глаза не подшитые.

Но повсюду — в толпе,
на лавочках —
непорочно, чисто и юно
целовались в Париже парочки...
«Как собаки!» — сосед мой спянулу.

Где собаке до Человека,
в смысле подлости, порноспеси! —
Не закапывайте внутрь аптеку!
Не хватайте врача за пейсы...

У Шар-пея в глазу три века —
прошлый, нынешний
и шар-пейский.

Что ж, потуши торшер
и поцелуй икону.
Но время — это шар,
летящий по наклону.

Христос в нас задержал
инстинкты насекомых.
Но время — это шар,
летящий по наклону.

Клад пирамиды царь —
как клинья под вагоны. —
Но время — это шар,
летящий по наклону.

Шедевр сооружа
или живя «на шару»,
мы служим шару — руша! —
рушарушаруша — шару.

Я треугольник груш
подкладывал на шпалы,
но миллиарды душ служили шару,
шару.

Что ж, превратимся в шар,
летящий по наклону.

Любимая, прощай!
Мы люди. Мы не клоны.

ШАР-ПЕЙ ПОД
ЕЛКУ

Новая газ-2001-23 дек-с. 23.

Эта книжка похожа на российский Новый год: снежно-белая обложка и золотые блески по ней, складывающиеся в рисунок. А имя автора написано как будто по снегу лыжной палкой, потому и цвет синий: тени-то, если зима такая снежная, как нынче, всегда синие. Тень звука, наверно, тоже синяя. Вот такой новогодний подарок своим поклонникам подготовил с помощью издательства «Терра» Вознесенский. Я держу в руках сигнальный экземпляр этой книги (тираж будет как раз под Новый год), и в голове крутится строчка Пастернака, учителя и старшего друга Вознесенского: «все яблоки, все золотые шары...» Ассоциация не случайная. И потому, что книга называется «Шар-пей» (по названию новой поэмы). При чем это слово, обозначающее редкую собачью породу, всячески обыгрывается как в поэме, так и сразу в нескольких стихотворениях. И потому, что один из разделов книги — прозаический — включает в себя юношеские письма с рассказами о встречах с Пастернаком. Все же разделов девять, и только два из них составляют старые, пригодившиеся для замысла поэта стихи. Все остальные, как сказал Андрей Андреевич, написаны в нынешнем году. (Публикуем те, которые еще нигде не печатались.)

...Он пришел по-деревенски, без звонка — жизнь переделкинская, слава богу, пока позволяет это делать. За его спиной сверкали заснеженные ели, клубились синие тени и лаяли собаки — правда, шарпея среди них не было. Принес новую книжку. Было видно, что он радуется ей, как ребенку.

Я подумал, что наше поколение уже утратило эту способность. Может, потому и читатели не ждут наших книг, как новогоднего подарка?

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Р. С. В пятницу, 21 декабря, в 19.00 на Таганке, в «любимовской» ее части, состоится авторский вечер Андрея Вознесенского.

Откроет его, если будет здоров, сам Юрий Петрович Любимов. Сначала, как всегда в последние годы на вечерах Вознесенского, прозвучит музыка. На этот раз приглашена пианистка, лауреат молодежного «Триумфа» Полина Осетинская. А потом Андрей Андреевич будет читать стихи — новые и старые по заказу публики.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ШАР-ПЕЙ
НОВЫЕ СТИХИ И ПОЭМЫ

ЧИТАЙТЕ ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Сестра моя сохранила мои детские письма к родителям. Вот что писал шестиклассник: «Только что пришел из школы — у меня неприятности. За лермонтовское сочинение получил тройку. Оказалось несколько ошибок (я и Наташа пропустили и как-то не заметили), а главное — все перечеркнуто красным карандашом и подписано: «Не понятно». Например, «разряженная тишина эпохи» (в которой звучал голос Лермонтова). «Что это значит?» И вывод: «Влияние декадентов». Это она, учительница, мне сказала после уроков. Очень неприятно, что ко всему она приплетает этих декадентов. Я после уроков зашел к ней и сказал, что декадентов я не люблю и даже если это и было, то давно прошло. Она все: «Ты этих декадентов брось! Они такие, сякие!» Самое главное: сейчас только отошел от телефона, по которому говорил с Борисом Леонидовичем. Он меня сразу же узнал (сам подошел к телефону). Очень много расспрашивал о моем здоровье, где отдыхал, и т. д. Насчет стихов сказал буквально так: «Вы не расстраивайтесь. Даже у меня бывает. Переходить к ре-

ализму и т. д. нужно постепенно. И не думайте, что это будет так сразу. Что это лето должно быть краеугольным камнем в Вашей жизни». Он спросил, хочется ли мне его увидеть (как будто сам не знает). Сказал, что он только что приехал с дачи и сможет в следующее воскресенье принять меня. И что сам мне позвонит, а если он не позвонит, то просил меня позвонить ему. Дальше поговорили вообще о реализме, о знаниях. Я сказал, что мне, кроме всего, хочется попросить почитать что-нибудь. И тогда он спросил, читал ли я Достоевского. Я бухнул, что читал «Идиота». Теперь придется читать». Вот из второго письма через месяц: «Получилось очень интересно. Утром я все сомневался, та ли это лекция, на которой я был. Позвонил домой Андронникову. Там сказали, что он на лекции в Доме ученых. Я туда! Приезжаю — лекция окончена. Все одеваются. Смотрю, стоит Борис Леонидович. Я — к нему. Он очень обрадовался. Мы много поговорили о лекции, и вдруг оказалось, что он — не в той очереди в гардероб (всего их было четыре). Перешли в другую оче-

редь, поговорили, и вдруг оказалось, что он опять не в той. Пришлось в другую, поговорили, все опять повторилось. Он говорил, что у него масса статей о Шекспире, Шопене, Лермонтове. Я рассказал ему про тройку за сочинение о Лермонтове, про «разряженную тишину» и т. д. Потом пошли домой пешком к метро. Говорили-говорили, и вдруг догоняет нас группа, девушки и взрослые: «Борис Леонидович, извините, мы к вам. Выражаем восхищение вами». Он поблагодарил, обрадовался. Когда они ушли, я сказал: «Вот видите, не я один!» Но он расстроился. Сказал, что на лекции его никто не знает, что он страшно одинок. Потом об одиночестве в искусстве, о жертвах. Страшно было смотреть со стороны. Дождь... Растрепанная фигура машет руками, очень громко, взволнованно, навзрыд говорит. Обитые края шляпы, поношенный макинтош, кашне развеивается на ветру. Все оглядываются, удивляются. Он говорит, что в иностранных антологиях первое место отводится Пушкину, а дальше по количеству стихов идет Пастернак...»